

Анатолий  
КРАСНОВ

## СЛОВО

Кричат ли богу новому;  
«Осанна!»,  
Воспет ли культ блудниц  
и содомлян,  
С кого спросить,  
что лется кровь с экрана  
В живые души  
маленьких землян.  
Все отрицать,  
ничто не создавая,  
Над памятью народного  
глумясь...  
Она в сознание, эта нить живая,  
Идущая с времен  
былинных связь.  
И чистый звук отсюда нам  
во благо,  
И разумом запечатленный свет.  
Пергамент, и папирус,  
и бумага  
Добро творили много сотен лет.  
Там степь и лес,  
кричат ночные совы,  
Там лёт зари,  
там землю пашет роса...  
И нравственным когда-то  
было Слово,  
Распятое сегодня,  
как Христос.

ЛЕНИНГРАД

Алексей  
ТРУФИЛОВ

## ПЕРЕД БУРЕЙ

Ни шороха, ни звука. Тишина.  
Дождь да глот,  
кто ждал покоя.  
Растрепанная дряхлая сосна  
Сползла в овраг  
и отдыхает стоя.  
Молчит родник  
в немых оковах сна.  
Меня нисколько это не пугает.  
Я знаю:  
гробовая тишина  
Обычно перед бурей бывает.  
гор. СОБИНКА,  
Владимирская обл.

Василий  
ТРУБИЦЫН

\*\*\*

Мне ночи нравятся в Крыму —  
Они чернее наших галок.  
А скал расщелины — в дыму,  
Змеятся косами татарок.  
Затихло море.  
Спят сады.  
И волны спят, как спит пехота.  
Зеленый плеск морской воды  
Еще баюкает кого-то...

## СЛОВО

В Старочеркасске  
у Косова

Петр Севастьянович Косов  
коренаст и еще довольно под-  
вижен. На припухлых покрас-  
невших щеках его так и оста-  
лись густые рябинки от го-  
лодных тридцатых. Он уро-  
женец хутора Калиствянки и хотя давно  
уже съехал с него и проживает в Старочер-  
касске, но все так же с болью воспомина-  
ет о тех годах.

К их соседям Амиленковым ворвались  
и обнаружили зернику на скамейке. Да  
вдобавок ко всему — вареную!  
— Ели жито? — подступили к сбиз-  
шимся в углу ребяташкам.

— Не-ет, — протянули те.  
— Животы вам сейчас вспорем!  
И тут какой-то дрогнул со страху и  
вскричал:

— Лучше на троньте... ели мы!  
Всю семью сразу после этого выгнали  
во двор и отправили куда-то на телеге.  
А хлеб оставался в амбарах, но возле  
каждого стояли вооруженные охранники.  
Один из них сам нагреб себе, и его тут  
же расстреляли. Первыми на хуторе уще-  
рились свезенные в детский сад дети. А ро-  
дителей заставляли все лето работать на  
саймище и даже не извещали об этом.  
Следом за детьми такая же участь по-  
стигла и всех стариков.

Любую пищу отбирали в домах. «Я вы-  
жил только благодаря тому, — продолжал  
Петр Севастьянович, — что отец был трак-  
тористом и получал буханку хлеба на день.  
Он прятал ее за пазуху, а ночью к нему  
приходил брат Василий (он потом погиб  
под Смоленском в сорок первом, непода-  
леку от Дорогобужа), отец отдавал ему  
буханку, и ее делили на всех. Уцелело нас  
к этому времени всего трое... отец же  
опух и совсем обессилел. Он питался по-  
лбвой и остатками дробленого зерна. Сил  
не хватало и трактор-то завести...»

На хуторе Ясерева — баба Дуня Харито-  
нова с мужем. Они были убеждены, что  
это какая-то кара пришла на русскую зем-  
лю. И оба никак не хотели вступать в кол-  
хоз.

— Только тогда пойдем, — поклялись  
они перед всем честным народом, — когда  
уж голову на корчужку положат...

За ними приехали в ту же ночь и увезли  
куда-то аж в самые Соловки.

А дед Петра Севастьяновича Косова  
долго прожил в Болгарии. Тифом заболел,  
и его забрали туда с собой воевавшие с  
ним земляки. И родные хоть и знали об  
этом, но скрывали. Дед же после смерти  
самого близкого друга решил во что бы  
то ни стало вернуться домой.

— Поеду на Дон, — сказал он прямо  
тут же, возле небольшого свежего холми-  
ка. — Чтобы на моей могиле лежала не  
чужая земля, а родной чернозем.

И в 1954 году вернулся... ехал паро-  
ходом по Дону, но в бывшей кружной  
станции Константиновской не выдержал и  
вылез. Здесь он уходил на фронт... здесь  
же в восемнадцатом проходил Круг спа-  
сения, когда восстали против большевист-  
ских побоев. И теперь только ступил на  
родную землю, как ноги его мгновенно  
покошились, и он не смог больше идти.

До родного хутора оставалось всего де-  
вять километров. И дед не подпускал к  
себе никого до тех пор, пока за ним не  
поехали сын с дочерью.

Ему всего шесть денечков-то и дове-  
лось прожить на родине после возвраще-  
ния.

В ПРОШЛОМ ГОДУ ГРУППОЙ ПИСАТЕЛЕЙ И СОТРУДНИКОВ ИН-  
СТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР БЫЛА ПРЕДПРИНЯТА  
ПОЕЗДКА ПО МЕСТАМ БОЕВЫХ ПОХОДОВ ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА.  
ЗАПАС ВПЕЧАТЛЕНИЙ И МАТЕРИАЛОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ ВСТРЕЧ  
В ГОРОДАХ, СТАНИЦАХ И ХУТОРАХ С САМЫМИ РАЗНЫМИ ЛЮДЬ-  
МИ, ЛЯЖЕТ В ОСНОВУ БУДУЩЕЙ ШОЛОХОВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕ-  
ДИИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТЫ «ТИХОГО ДОНА».

СЕГОДНЯ, КОГДА В ПРЕССЕ СТАЛИ ПОЯВЛЯТЬСЯ СТАТЬИ С НА-  
ПАДКАМИ НА ИМЯ М. А. ШОЛОХОВА, КАК, ВПРОЧЕМ, И НА ДРУ-  
ГИЕ СЯТЫНИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ПОДОБНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЮ  
Е. ЕВТУШЕНКО В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ», № 3, 1991 г., МЫ ПУБ-  
ЛИКУЕМ ЗАМЕТКИ АНАТОЛИЯ ЯКОВЕНКО, РАССКАЗЫВАЮЩИЕ О  
ТОМ, КАК ПРЕЛОМЛЯЮТСЯ БЕССМЕРТНЫЕ СТРАНИЦЫ «ТИХОГО  
ДОНА» В НАШИ ТРАГИЧЕСКИЕ ДНИ.

Анатолий ЯКОВЕНКО

ДОРОГАМИ  
ГРИГОРИЯ  
МЕЛЕХОВАБазковский  
Харлампий

Уже перед самым отъездом из  
Вешенской мне было как бы  
ниспослано еще одно откро-  
вление. Когда при встрече все  
с тем же Иваном Григорьевичем  
Мельниковым (он при-  
ехал сюда из своих родных Глеши-  
ков к сыну) разговор вдруг зашел и о Харлам-  
пии Ермакове. Том самом казаке, кото-  
рый жил тут же, в соседних Базках, и по-  
служил прототипом сразу столь полюбив-  
шегося всему народу шолоховского героя  
Григория Мелехова.

— Михаил Александрович много от не-  
го взял, — выпрямляясь и оживая, продол-  
жал Иван Григорьевич. — Тот всю войну  
прошел и в восстании участвовал. И в  
бандах... У Фомина, который пропустил  
красных на Дон. А потом и против боль-  
шевиков... ему крестный советовал уехать.  
Когда как раз суматоха и неладница на-  
чалась. Но Харлампий не послушал... он  
у себя в Базках при станишном правле-  
нии был инспектором кавалерии. Помню,  
как в двадцать пятом допризывников вел  
в Мешковскую станицу. Шли пешками, а  
на подводах только харчи везли. А потом  
саботаж был, и нас всех подряд какой-то  
Рубинштейн судил. И Харлампий отвезли  
вместе с нами в Миллеровскую кутузку.  
Камера человек на сорок была... он в са-  
пожках, галифе, рубашке. И нрава о-е-е  
какого крутого! Не зря, видно, четыре  
креста дают... один раз пятнадцать нем-  
цев срубил! Повернул лошадей и думает:  
«Лишь бы не подбили! А уйтить я уйду».  
Лошадь резвая была... рубил направо и  
налево.

— А кто ему тут у вас памятник ста-  
вил? — спросил я.

— Как же, — подхватил Иван Гри-  
горьевич. — Живому герою... Просыпаются  
раз, а на самом обрыве стальной обелиск  
красуется. Вот все и повалили туда... а  
следом за этим и милиция нагрянула.  
Сорвали кое-как и к себе назад уехали.  
«Еще беляков тут не чествовали... нехай,  
мол, валяется!»

— И кто же это отважился? — снова  
не удержался я.

— Точно не скажу, — развел он руками.  
— Сперва никто не знал... поставили и  
укатили! А потом поговаривали, что будто  
бы из Нижнего Новгорода какой-то хло-  
пец. Сам сварил и сам бетон привез... За  
ночь управился.

— А памятник-то уцелел?

— Да вроде у внука, — ответил с тем  
же спокойствием Иван Григорьевич. — По-  
добрал и увез к себе в Базки... он так и  
живет в дедовском курене!

И уже на другое утро я отправился с  
несколькими собратьями по общему делу  
в Базки. Выйдя из автобуса и разыскав  
среди добротных кирпичных домов совсем  
обветшалый, запущенный курень, мы вна-  
чале только остановились возле плетня и

некоторое время стояли в какой-то расте-  
рянности. Потом раскрыли калитку, с тру-  
дом пробрались сквозь высокий сплошной  
бурьян и репей к самому входу и, едва  
отворив слегка подпертые двери, сразу же  
обнаружили в небольшой дощатой при-  
стройке перевернутый набор стальной обели-  
ски.

А когда вновь вышли на улицу и ока-  
зались на противоположной стороне, я  
как-то невольно приостал и остановился  
возле копаншейся тут же, в своем пали-  
саднике соседки.

— А чего это в Харлампиевом курене  
никого нет? — спросил я.

— Внука, что ль? — выпрямилась пос-  
пешно та. — Так он уж давно тут не час-  
тый гость. На другом краю у сестры оби-  
тает... а хату даже вроде бы как продать  
надумал.

— Ну, а о самом Харлампии-то что-ни-  
будь помните?

— Так я что? — усмехнулась соседка.  
— Тогда еще совсем девишкой была... но  
мама рассказывала, как Михаил Александрови-  
ч приходил к нему и подолгу сиживал.  
А то и во двор с шашкой выходили, на-  
ставят чурок, и Харлампий давал их рас-  
секать. Все какой-то знаменитый бакла-  
новский удар показывал. С протягом...

— А ведь у нас и Аксинья рядом жила, —  
улыбаясь, продолжала она. — Вот за этим  
заборчиком. И отсюда же ходила вниз к  
Дону за водой с коромыслом. А Харлам-  
пий водил туда же поить своего коня.  
Вот они тут и встречались прямо на бе-  
режку. И Михаил Александрович все это  
описал... Ольга Солдатова! Но ее все так  
и звали Аксиньей...

— И действительно схожесть была?

— Еще бы, — снова вся заискрилась со-  
седка. — Эта такая же статная и добрая.  
И когда Харлампий увезли в Миллерово и  
расстреляли, она пошла за сто пятьдесят  
верст туда пешком. Там тогда округ был...  
упала на колени перед чекистами и стала  
просить, чтобы ей отдали его мертвое те-  
ло. Но ей не отдали... и она так ни с чем  
и вернулась домой.

— А муж-то у нее был? — вырвалось у  
меня как-то само собой.

— Был, — без особого сожаления обро-  
нила и соседка. — Осипом звали... уж  
больно шибко лошадей любил. И в колхо-  
зе за жеребцом ходил... и двое сынов у  
них было. Но по наружности уступал  
Харлампии. Этот — смуглавый, живой и с  
выправкой настоящей казачьей! А тот —  
как самый простой крестьянин... по книге  
Степан.

И чем дальше мы потом ехали и встре-  
чались с теми самыми местами, куда по-  
падал когда-то Григорий Мелехов и где  
все отчетливее виделось сквозь все его  
душевные боли и метания весь тот тра-  
гический исход России, тем все больше и  
больше в нас тоже вызревала и какая-то  
благодарность к творцу «Тихого Дона». И  
не только за все его напоенные густым  
ароматом и перемешанные с глубочайшей  
неизбывной горечью страницы.

# ОДНА

## В Старочеркасске у Косова

**П**етр Севастьянович Косов коренаст и еще довольно подвижен. На припухлых закрашенных щеках его так и остались густые рябинки от голодных тридцатых. Он уроженец хутора Калиствянки и хотя давно уже съехал с него и проживает в Старочеркасске, но все так же с болью вспоминает о тех годах.

К их соседям Амиленковым ворвались и обнаружили зернинку на скамейке. Да вдобавок ко всему — вареную!

— Ели жито? — подступили к сбившимся в углу ребятишкам.

— Не-ет, — протянули те.

— Животы вам сейчас вспорем!

И тут какой-то дрогнул со страху и вскричал:

— Лучше не троньте... ели мы!

Всю семью сразу после этого выгнали во двор и отправили куда-то на телеге. А хлеб оставался в амбарах, но возле каждого стояли вооруженные охранники. Один из них сам нагреб себе, и его тут же расстреляли. Первыми на хуторе ужерги свезенные в детский сад дети. А родителей заставляли все лето работать на займище и даже не извещали об этом. Следом за детьми такая же участь постигла и всех стариков.

Любую пищу отбирали в домах. «Я выжил только благодаря тому, — продолжал Петр Севастьянович, — что отец был трактористом и получал буханку хлеба на день. Он прятал ее за пазуху, а ночью к нему приходил брат Василий (он потом погиб под Смоленском в сорок первом, неподалеку от Дорогобужа), отец отдавал ему буханку, и ее делили на всех. Уцелело нас к этому времени всего трое... отец же глух и совсем обессилел. Он питался полловой и остатками дробленого зерна. Сил не хватало и трактор-то завести...»

На хуторе Ясерев — баба Дуня Харитонova с мужем. Они были убеждены, что это какая-то кара пришла на русскую землю. И оба никак не хотели вступать в колхоз.

— Только тогда пойдем, — поклялись они перед всем честным народом, — когда уж голову на корушку положат...

За ними приехали в ту же ночь и увезли куда-то аж в самые Соловки!

А дед Петра Севастьяновича Косова долго прожил в Болгарии. Тифом заболел, и его забрали туда с собой воевавшие с ним земляки. И родные хоть и знали об этом, но скрывали. Дед же после смерти самого близкого друга решил во что бы то ни стало вернуться домой.

— Поеду на Дон, — сказал он прямо тут же, возле небольшого свежего холмика. — Чтобы на моей могиле лежала не чужая земля, а родной чернозем.

И в 1954 году вернулся... ехал паромом по Дону, но в бывшей кружной станице Константиновской не выдержал и вышел. Здесь он уходил на фронт... здесь же в восемнадцатом проходил Конт спасения, когда восстали против большевистских побоев. И теперь только ступил на родную землю, как ноги его мгновенно полкомисились, и он не смог больше идти.

До родного хутора оставалось всего девять километров. И дед не подпускал к себе никого до тех пор, пока за ним не поехали сын с дочерью.

Ему всего шесть денечков-то и довелось прожить на родине после возвращения.

В ПРОШЛОМ ГОДУ ГРУППОЙ ПИСАТЕЛЕЙ И СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР БЫЛА ПРЕДПРИНЯТА ПОЕЗДКА ПО МЕСТАМ БОЕВЫХ ПОХОДОВ ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА. ЗАПАС ВПЕЧАТЛЕНИЙ И МАТЕРИАЛОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ ВСТРЕЧ В ГОРОДАХ, СТАНИЦАХ И ХУТОРАХ С САМЫМИ РАЗНЫМИ ЛЮДЬМИ, ЛЯЖЕТ В ОСНОВУ БУДУЩЕЙ ШОЛОХОВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТЫ «ТИХОГО ДОНА».

СЕГОДНЯ, КОГДА В ПРЕССЕ СТАЛИ ПОЯВЛЯТЬСЯ СТАТЬИ С НАПАДКАМИ НА ИМЯ М. А. ШОЛОХОВА, КАК, ВПРОЧЕМ, И НА ДРУГИЕ СВЯТЫНИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ПОДОБНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЮ Е. ЕВТУШЕНКО В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ», № 3, 1991 г., МЫ ПУБЛИКУЕМ ЗАМЕТКИ АНАТОЛИЯ ЯКОВЕНКО, РАССКАЗЫВАЮЩИЕ О ТОМ, КАК ПРЕЛОМЛЯЮТСЯ БЕССМЕРТНЫЕ СТРАНИЦЫ «ТИХОГО ДОНА» В НАШИ ТРАГИЧЕСКИЕ ДНИ.

Анатолий ЯКОВЕНКО

# ДОРОГАМИ ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА

## Базковский Харлампий

**У**же перед самым отъездом из Вешенской мне было как бы ниспослано еще одно откровение. Когда при встрече все с тем же Иваном Григорьевичем Мельниковым (он приехал сюда из своих родных Пешаков к сыну) разговор вдруг зашел и о Харлампии Ермакове. Том самом казаке, который жил тут же, в соседних Базках, и послужил прототипом сразу столь полюбившегося всему народу шолоховского героя Григория Мелехова.

— Михаил Александрович много от него взял, — выпрямляясь и оживая, продолжал Иван Григорьевич. — Тот всю войну прошел и в восстании участвовал. И в бандах... У Фомина, который пропустил красных на Дон. А потом и против большевиков... ему крестный советовал уехать. Когда как раз суматоха и неладица началась. Но Харлампий не послушал... он у себя в Базках при станишном правлении был инспектором кавалерии. Помню: как в двадцать пятом допризывников вел в Мешковскую станицу. Шли пешками, а на подводах только харчи везли. А потом саботаж был, и нас всех подряд кзкой-то Рубинштейн судил. И Харлампия отвезли вместе с нами в Миллеровскую кутузку. Камера человек на сорок была... он в сапожках, галифе, рубашке. И нравз о-ё-ё какого крутого! Не зря, видать, четыре креста дают... один раз пятнадцать немцев срубил! Повернул лошадь и думает: «Лишь бы не подбили! А уйтить я уйду».

Лошадь резвая была... рубил направо и налево.

— А кто ему тут у вас памятник ставил? — спросил я.

— Как же, — подхватил Иван Григорьевич. — Живому герою... Просыпаются раз, а на самом обрыве стальной обелиск красуется. Вот все и повалили туда... а следом за этим и милиция нагрянула. Сорвали кое-как и к себе назад уехали. «Еще беляков тут не чествовали... нехай, мол, валяется!»

— И кто же это отважился? — снова не удержался я.

— Точно не скажу, — развел он руками. — Сперва никто не знал... поставили и укатили! А потом поговаривали, что будто бы из Нижнего Новгорода какой-то хлюпец. Сам сварил и сам бетон привез... За ночь управился.

— А гамятник-то уцелел?

— Да вроде у внука, — ответил с тем же спокойствием Иван Григорьевич. — Подобрал и увез к себе в Базки... он так и живет в дедовском курене!

И уже на другое утро я отправился с несколькими собратьями по общему делу в Базки. Выйдя из автобуса и разыскав среди добротных кирпичных домов совсем обветшалый, запущенный курень, мы вначале только остановились возле плетня и

некоторое время стояли в какой-то растерянности. Потом раскрыли калитку, с трудом пробрались сквозь высокий сплошной бурьян и репей к самому входу и, едва отворив слегка подпертые двери, сразу же обнаружили в небольшой дощатой пристройке перевернутый набор стальной обелиск.

А когда вновь вышли на улицу и оказались на противоположной стороне, я как-то невольно приостал и остановился возле колавшейся тут же, в своем палисаднике, соседки.

— А чего это в Харлампиевом курене никого нет? — спросил я.

— Внука, что ль? — выпрямилась поспешно та. — Так он уж давно тут не частый гость. На другом краю у сестры обитает... а хату даже вроде бы как продать надумал.

— Ну, а о самом Харлампии-то что-нибудь помните?

— Так я что? — усмехнулась соседка. — Тогда еще совсем девчушкой была... но мама сказывала, как Михаил Александрович приходил к нему и подолгу сживал. А то и во двор с шашкой выходили, наставят чурок, и Харлампий давал их рассекать. Все какой-то знаменитый баклановский удар показывал. С протягом...

— А ведь у нас и Аксинья рядом жила, — улыбаясь, продолжала она. — Вот за этим заборчиком. И отсюда же ходила вниз к Дону за водой с коромыслом. А Харлампий водил туда же поить своего коня. Вот они тут и встречались прямо на берегу. И Михаил Александрович все это описал... Ольга Солдатовал! Но ее все так и звали Аксиньей...

— И действительно схожесть была?

— Еще бы, — снова вся заискрилась соседка. — Эта такая же статная и добрая.

И когда Харлампия увезли в Миллерово и расстреляли, она пошла за сто пятьдесят верст туда пешком. Там тогда округ был... упала на колени перед чекистами и стала просить, чтобы ей отдали его мертвое тело. Но ей не отдали... и она так ни с чем и вернулась домой.

— А муж-то у нее был? — вырвалось у меня как-то само собой.

— Был, — без особого сожаления обронила и соседка. — Осипом звали... уж больно шибко лошадей любил. И в колхозе за жеребцом ходил... и двое сынов у них было. Но по наружности уступал Харлампии. Этот — смуглавый, живой и с выправкой настоящей казацкой! А тот — как самый простой крестьянин... по книге Степан.

И чем дальше мы потом ехали и встречались с теми самыми местами, куда падал когда-то Григорий Мелехов и где все отчетливее виделся сквозь все его душевные боли и метания весь тот трагический исход России, тем все больше и больше в нас тоже вызревала и какая-то благодарность к творцу «Тихого Дона». И не только за все его напоенные густым ароматом и перемешанные с глубочайшей неизбывной горечью страницы.

Вспомнил на соседке  
и вот на сср.